

Myronova, Halyna; Juříčková, Taťána

**Паремийный фонд национального языка как
культурологический источник для сопоставительной
лингвистики**

Opera Slavica. 1995, vol. 5, iss. 2, pp. 27-32

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116586>

Access Date: 25. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПАРЕМИЙНЫЙ ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Г. Миронова, Т. Юржичкова

Обозримый отсчет значимости паремий мы обнаруживаем у античных авторов. Так, например, Аристотель, характеризуя пословицы и поговорки, отмечал, что они суть остатки древней философии, теряющейся среди величайших утрат человечества, и сохранились благодаря своей краткости, красоте и остроумию.

Философия предков, их мировоззрение, зафиксированные ярко, красочно, кратко да еще и остроумно представляют незаменимый материал как для культуролога, лингвострановеда, так и для преподавателя-практика, лингводидакта, осознающих, что язык должен вливаться в сознание студента вместе с историей, культурой и актуальными вопросами жизни другой страны (тем более, что иногда внязыковые явления, зафиксированные в столь изящной застывшей форме вызывают интерес там, где аборигены его не проявляют).

В контексте личностно-деятельностного подхода с учетом коммуникативных потребностей обучающихся русскому/чешскому как иностранному мы решили обратиться к паремиям, единицами которых являются слова, входящие в лексический минимум как студента-первокурсника филолога, так и любого человека, знакомящегося с чужим языком.

Это элементы универсального (имеется ввиду обезличенного, незакрепленного в настоящее время за полом), но жизненно необходимого облачения человека: *р. рубашка/сорочка, штаны/брюки, ботинки/сапоги* и их чешские эквиваленты.

Итак, первая пара слов: *рубашка/сорочка*. Не случайно берем их в паре, ибо на первый взгляд это абсолютные синонимы, но это только на первый, т. к. несмотря на древность обоих (зафиксированы в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, семемный состав их в современном языке различен: *рубашка* имеет в два раза больше значений, среди которых "цвет шерсти, масть" (как не вспомнить здесь *содрать последнюю рубашку, содрать шкуру*) и "верхний, покрывающий слов, оболочка, например у плода, кокона" (ср. *родиться в рубашке*).

Более глубокая "проработка" семантической структуры анализируемого слова свидетельствует о его большем удельном весе в языке,

большем употреблении, освоении, отсюда значимости как языковой, так и шире - культурной. Можно предположить, что это одна из причин того, что практически во всех паремиях для номинации соответствующей реалии использовано слово рубашка; оно же (его 4-ое значение) стало основой для создания специальных терминов (*охлаждающая рубашка/ракеты/, защитная/сердца, мартена/, водяная/электросварщика/, металлическая/алмазы/, ср. ч. havříská halena /одежда для металлургов/.*

Так, общеизвестна паремия *в рубашке родиться (а не в сорочке); родиться без рубашки* в языке отсутствует, но существует в виде *родился без рубашки, так и умру без штанов*. Развернутость текста переносит нас из образного плана в бытийный, однако наличие ук. "*народится без сорочки*" "*бути нещасливим, безталанним, невезучим*" дает основания предположить потенциально существующую/существовавшую в указанном выражении транспозицию.

Мировоззренческие установки древнего славянина, его антропоцентризм, противопоставление "свое-чужое" прослеживаются в паремиях *своя рубашка ближе к телу, чужая рубашка не греет* (эквиваленты используются практически во всех славянских языках). Существующее в русском языке как название реалии нашей сегодняшней жизни *смирительная рубашка* более глубоко может быть интерпретирована благодаря наличию в украинском *не в своїй сорочці (льолі)*, что означает "психически больной человек" (ср. известное *не в своей тарелке* и ч. *zvuk je železná košile*, что сопоставимо с распространенным выражением *привычка - вторая натура*). Но не это сейчас для нас интересно, а то, что этимологическое исследование слова *сорочка* ведет нас к англо-сакс. *serce* "панцырь, железная одежда". (вот откуда, видимо эта "железная рубашка" в чешском языке, с одной стороны, и невозможность ассоциаций с оболочкой, второй кожей у человека, с другой).

Мини-выводы, напрашивающиеся после наших построений-предложений: 1) очень осторожная работа с синонимами (ведь недаром исследователи уделяют большое внимание анализу синонимической близости членов синонимической цепочки/Павел, Супрун и др./); да, они обогащают нашу речь, раскрывают богатство и разнообразие словарного запаса языка, но различение значений и оттенков значений слова, их правильное/корректное употребление (особенно, если речь идет о таких "застывших" формах как паремии) обязательно должно учитываться при подаче материала; 2) в изучении подобного материала определенное значение имеет этимологический анализ стержневых лексем; знакомство с историей слова повышает мотивацию его усвоения и т. о. закрепляет в памяти студента новые приобретенные единицы языка, способствует расширению общей эрудиции; 3) привлечение

соответствующего материала других родственных языков, т. е. расширение исследовательской базы (что давно успешно применяется в исторической компаративистике) позволяет реконструировать недостающие семантические звенья анализируемого материала и тем самым удостовериться в правильности наших построений.

П. Г. Богатырев, говоря о народном костюме, отмечал, что всякая вещь в народном быту обладает целым пучком функций: практической, сословной, эстетической, магической, функцией территориальной принадлежности и некоторыми другими. Подтверждением этого глубокого наблюдения могут быть паремии *в рубашках орать/землю/, в шубах сиять* (чему нет аналога в чешском) и *Параши-то ваша, да рубашка на ней наша* (ср. менее экспрессивное ч. *vzít si holku bez košile*).

Текст очень древней паремии *знай рубаха да подоплёка* вызывает недоумение не только у простых смертных русских, но и у преподавателей русского языка, недостаточно владеющих культурологическими данными в этой области. Изначально возникает вопрос: что означает *подоплёка* вообще и в этом контексте конкретно. *Подоплёка* соврем. "второй слой, план, другая сторона медали", но это современное значение слова, обусловленное не языковыми факторами, а причинами экстралингвистического характера: нужно знать *крой* рубахи для того, что объяснить первоначальное значение данного слова (это *подоплечье, подплечки, подоплечина*, т. е. та часть материала, которая подшивалась на основную край рубахи и при желании или необходимости могла быть легко заменима, что имело практическое значение. Отсюда и трактовка паремии: *Знай рубаха да подоплёка* "никому не скажу, знать может лишь моя вторая кожа, моя шкура" (ср. известное выражение *держат язык за зубами*). Как это донести до носителя чешского языка? Только описательно? Аналогичные трудности будут у преподавателя русского языка, пытающегося передать русским семантику ч. *zmrzlá košile*.

Очень часто употребляющееся в разговорной практике русских *рубаха-парень* не вызывает трудностей с описанием характера эдакого разухабистого молодца, простого, общительного, бескорыстного человека. Но ведь это выражение дает возможность: 1) вернуться к исходному - вспомним древнее противопоставление "свое-чужое" и удивительно точное и тонкое определение роли моделирования как приема научного исследования Я. А. Коменского: модель дает возможность сделать невидимое видимым, отсутствующее - присутствующим; и отсюда: коль это *рубаха-парень*, то "свой", подтверждением сему предположению есть дальнейшее развитие исходного конструкта - *парень-рубашка* /шутливо/; 2) существование в русском языке таких выражений *вопрос стоит руба, поставить вопрос руба*/, т. е. "прямо, без обиняков", *просто, рубить с плеча, нарубить/наломать дров, рубить кана-*

ты, рубить под корень (ср. также жарг. р. *рубать* "есть, вкусно, с удовольствием, т. е. просто, значения которых прозрачны и легко увязываются с вышесказанным).

Таким образом, называя фразеологизм "памятью прошлого" и соотнося его с настоящим, нам необходимо знать не только идиоматическое значение единицы (т. е. то, что мы понимаем под этим фразеологизмом сегодня, но и его происхождение. Носитель чужого языка может запомнить данное устоявшееся выражение и его значение, но отдельно взятые слова приобретут для него конкретный смысл только после выяснения их происхождения, ибо эквивалентов в родном языке нет; 2. Паремийный фонд следует использовать как фактор формирования "зоны образно-эмоциональной культурной памяти; постоянное введение так называемых "нейтральных" слов, обладающих большой культурной значимостью и способностью структурировать вокруг себя семантическое поле со сложной архитектурой происходит не только за счет количества, но и качества, т. е. появления новых семем; 3. Культурологический аспект значительно облегчает освоение литературной нормы, орфоэпических и грамматических правил, помогает переводить пассивное знание языка в активное, интереснее и очевиднее становится цель овладения языком.

Проявлением крайней степени бедности есть р. у него и рубаха заложена, что может быть соотнесено с более ярким и запоминающимся ч. *vuplatil košili a zastavil sukni*. Эта же тема, но как "смех сквозь слезы" прослеживается в выражении *щёголь собака, что ни год рубаха, а портам и смены нет*. В данном случае сложность для интерпретатора будет заключаться в лексеме *порты*, тем более, что в русском языке с этим словом, означающим "штаны, брюки", изначально бывшим родовым названием "одежды вообще" (т. е. социально значимым словом) связано огромное количество паремий: *сам без рубахи пойдю, а с тебя порты стяну; седлай порты, надевай коня* ("суета и бестолочь, неразбериха"); *портной без портов, сапожник без сапог, а плотник без дверей*, аналог в ч. *sám švec chodí bos*. Думается, что последнее выражение должно помочь студентам удивить в цепочке *порты-портной-портняжить* не только деривационную, но и лексическую семантику и тем самым найти аналог для перевода и осмысления. Хотя определенные трудности останутся, ибо лексема *порты* могла означать не только общее понятие одежды, но и очень частное, видовое "нижнее белё" (о чем свидетельствует вариант поговорки *сам наг пойдю, а с тебя порты стяну*).

Иногда чешское или русское слово по орфоэпической форме совпадает с русским/чешским словом, что вселяет в билингва уверенность и в содержательной эквивалентности этих единиц (ср. ч. *kalhoty, boty*). Отсюда непонятно для русских, почему *chodit v kalhotách (o ženě): ona*

nost u nich v rodině kalhoty- аномально; а ведь "человек прежде всего замечает аномальные явления. Было бы неэкономно доводить до сведения других все то, что соответствует норме". Русский напрямик будет соотносить ч. *vyrostlý z dětských kalhot* "вырасти из ползунков". После этих недоразумений еще одним ударом (но уже другого порядка) может быть для русского и то, что, если чех и трусит, то не настолько, как это происходит при испуге у русского, ибо у русского *сердце уходит в пятки*, а чех *mít srdce až v kalhotách* (хотя есть вариант и ниже: оно может упасть *do holénky, do bot*).

Большой антропоцентризм свойственен русскому человеку (можно предположить, что соответствующие поговорки русского языка более древни по происхождению, нежели чешские): ср. р. *окацуть взглядом/осмотреть кого-либо от головы до пят*; ч. *prohlížet si někoho od hlavy k botám*, р. *подошвы чешутся*; ч. *mět toulavé boty*, (хотя у русских есть и *быть сапогам за плечами, болтаться сапогам на носоке*), р. *только пятки замелькали, мелькнуть пятками*, ч. *prásknout do bot, dát do křesec*. В последнем случае, правда, возможны замечания относительно не полной адекватности семантики, ибо при более тщательном анализе можно говорить о некотором смешивании значений, близких по смыслу или эмоциональной окраске "скорость бега" и "страх, боязнь".

Образное мышление у наших предков (как русских, так и чехов) очень близко в области передачи социального/сословного равенства-неравенства: ср. р. *рукавички барановые, а сапожки сабьяньювые*; с зеркальным отражением у чехов *navrch huj, a ve spod fuj*; р. *Каков женишшика, таковы и его сапожишки* (см. менее эмоциональное в чешском; *Jaký pán, takový krám*; р. *сапог сапогу пара* (более соответствует ч. *vrána k vráně*, нежели *jako vejce vejci*, ибо в первом случае речь идет о негативных чертах человека, а во втором /чешский вариант/ о близости, схожести чисто физиологической (ср. также ч. *jeden za 18, druhý bez dvou za dvacet*)).

Социально маркированному в р. *сапог* противопоставляется *лапоть*: *Чем лаптю кланяться, так уж поклонюсь сапогу*, или ср. *"Не пойду я за такого, что ботишком скрѣл, скрѣл! Ой пойду я за такого, что лаптяком (лапотком) шам, шам!* В чешском языке сословная функция обуви выражена иначе: *sláma čouhá/trčí, kouká/ z bot* или *má slámu v botách*.

Абсолютно идентично отношение у чехов и русских к угодничеству, уничижающему гордость человека: р. *лизать сапоги, быть под сапогом*, ср. ч. *lízat boty*; менее экспрессивно в чешском передано часто употребляемое русскими "сапоги каши просят" (ср. ч. *boty už volají po opravě*).

Трудно соотносимы на первый взгляд ч. *mít do bot* с русским *по горло, по самое горло*. Однако тематическое расширение анализируемо-

го материала позволяет наметить пути ассоциативного мышления наших предков: ср. р. *ругается, как сапожник*. Чешское *vužou se z bláznivých bot* перекликается со *смирительной рубашкой* в русском языке. У чешской поговорки возможна и другая интерпретация, обусловленная специальной конструкцией, точнее декором обуви придворного шута; для ч. *udělat botu, řici botu* адекватней всего может быть украинское *пустити бульбу*, р. "дать маху", а возможно и выражение *сапоги всмятку* ("чепуха, вздор, полная бессмыслица").

Современная лингвистика ориентирована на глубокое изучение взаимоотношения "человек-общество-язык", что обуславливает приоритетность описания поговорочного фонда национального языка как культурологического источника, как феномена национальной культуры, как способа отражения формирования языковой картины мира, что в свою очередь, связано с разрешением более общей проблемы взаимодействия когнитивных и номинативных процессов. Вот почему так ценно для нас одно из важнейших положений концепции Я. А. Коменского: "Всякая вещь происходит от своих причин... Вскрыть причины происхождения вещи - это значит преподавать истинное значение вещи. Знать - это значит понять вещь через познание причин; причина есть путеводительница ума" (Великая дидактика.//Педагогическое наследие. Я. А. Коменский. Д. Локк. Ж. Ж. Руссо. И. Г. Песталоцци. М., 1988, с. 75).